

А. И. Герцен

БЫЛОЕ И ДУМЫ

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

МОСКВА, ПЕТЕРБУРГ И НОВГОРОД (1840-1847)

Электронная версия: [Павел Потехин](#)

Герцен А.И. Былое и думы. Часть 4. (по книге Герцен А.И. Былое и думы. Части 4-5. - М.: ГИХЛ, 1958.)

Примечания: к четвертой части - И. Ю. Твердохлебова; к пятой части - И. М. Белявской, Я. Е. Застенкера, Л. Р. Ланского, А. М. Малаховой, Г. И. Месяцовой, М. Я. Полякова, И. Г. Птушкиной, Э. М. Цыпкиной.

ГЛАВА XXV

Диссонанс - Новый круг, - Отчаянный гегелизм. - В. Белинский, М. Бакунин и пр - Ссора с Белинским и мир - Новгородские споры с дамой - Круг Станкевича.

В начале 1840 года расстались мы с Владимиром, с бедной, узенькой Клязьмой. Я покидал наш венчальный городок с щемящим сердцем и страхом; я предвидел, что той простой, глубокой внутренней жизни не будет больше и что придется подвязать много парусов.

Не повторятся больше наши долгие одинокие прогулки за городом, где, потерянные между лугов, мы так ясно чувствовали и весну природы и нашу весну...

Не повторятся зимние вечера, в которые, сидя близко друг к другу, мы закрывали книгу и слушали скрип пошевной и звон бубенчиков, напоминавший нам то 3 марта 1838, то нашу поездку 9 мая...

Не повторятся!

...На сколько ладов и как давно люди знают и твердят, что "жизни май цветет один раз и не больше", а все же июнь совершеннолетия, с своей страдной работой, с своим щебнем на дороге, берет человека врасплох. Юность невнимательно несется в какой-то алгебре идей, чувств и стремлений, частное мало занимает, мало бьет, а тут - любовь, найдено неизвестное, все свелось на одно лицо, прошло через него, им становится всеобщее дорогое, им изящное красиво, постороннее и тут не бьет: они даны друг другу, кругом хоть трава не расти!

А она растет себе с крапивой и репейником и рано или поздно начинает жечь и цепляться.

Мы знали, что Владимира с собой не увезем, а все же думали, что май еще не прошел. Мне казалось даже, что, возвращаясь в Москву, я снова возвращаюсь в университетский период. Вся обстановка поддерживала меня в этом. Тот же дом, та же мебель, - вот комната, где, запершись с Огаревым, мы конспирировали в двух шагах от Сенатора и моего отца, - да вот и он сам, мой отец, состарившийся и сторбившийся, но так же готовый меня журить за то, что поздно воротился домой. "Кто-то завтра читает лекции? когда репетиция? из университета зайду к Огареву"... Это 1833 год!

Огарев в самом деле был налицо.

Ему был разрешен въезд в Москву за несколько месяцев прежде меня. Дом его снова сделался средоточием, в котором встречались старые и новые друзья. И, несмотря на то, что прежнего единства не было, все симпатично окружало его.

Огарев, как мы уже имели случай заметить, был одарен особой магнитностью, женственной способностью притяжения. Без всякой видимой